

Лариса ЧУДИНОВА

В СЛОБОДЕ МАНЬКОВО

Когда мы переехали после войны из Сибири в Ростовскую область, в слободу Маньково, сельсовет выделил нашей семье половину дома возле пожарной каланчи на краю села.

Дом стоял на пригорке и казался мне самым красивым на всей длинной улице Луначарского. Его железная крыша никогда не протекала, деревянные полы были прочными, но, к сожалению, некрашеными. Примерно раз в месяц полы мыли со скоблёмкой – мокрые доски скоблили большим ножом. Чтобы управиться с мытьём двух больших комнат, надо было работать до изнеможения. О краске для полов мы слышали и мечтали, но в послевоенной деревне такого добра ещё не было.

Затрудняюсь сказать, из чего был сделан дом, но точно не кирпичный и не бревенчатый. Он имел высокий каменный фундамент и оштукатуренные побеленные мелом стены. Поднимаешься по невысокой деревянной лесенке, открываешь входную дверь и заходишь в сени – большую комнату с одним окном во двор. Из сеней дверь направо – в кухню. Тут была печь с духовкой и чугунной плитой с двумя круглыми отверстиями для чугунов. Из кухни дверь налево – в большую жилую комнату с тремя окнами и тёплой лежанкой, обогреваемой от печи, на ней спала бабушка Аксинья. Отец с матерью спали на деревянной двуспальной кровати, все прочее – на полу, позже появились две железные койки. Подушек и матрацев на всех не хватало, подмачивали для постелей ватные фуфайки и пальто – так было в первые годы после переезда, постепенно быт улучшался.

Во дворе имелся сарай – полуземлянка, крытая соломой, летом мы с сестрой иногда спали на ней. И ещё нам достался глубокий подвал рядом с домом. В него вели каменные ступени, как в блиндаж. Наверное, это сооружение и осталось от недавних военных лет, в других дворах погребов и подвалов было гораздо проще.

Метров за сто от дома, возле каланчи, находился колодец с воротом, вода в нём не годилась для питья из-за большой жёсткости. Питьевую воду носили вёдрами на коромысле из Гуляева колодца, до него – с полкилометра.

Вот один случай из детства. Спим летом на крыше своего сарая со старшей сестрой. Она предупредила с вечера (по секрету), что рано утром пойдём за грушами. Меня берут, чтоб стояла «на стрёме».

На рассвете сестра будит. На востоке красноватая заря, воздух восхитительно прохладен, предстоит опасное приключение – надо перейти низинку за огородом, забраться под большую грушу, пока её хозяйка ещё доит корову, и успеть собрать в траве упавшие за ночь плоды. К нам присоединяется подруга сестры, живущая на соседней улице. Я вся поглощена чувством опасности, но тоже пытаюсь искать в траве – безрезультатно. Девчата успешнее, у них за пазухой по нескольку штук. Возвращаемся с сестрой на крышу сарая. Она даёт мне грушу и наказывает держать язык за зубами. До сих пор помню вкус этой груши, сладкой и сочной.

На личных подворьях колхозников нашего села не было яблонь. Как мне объясняли, яблони тогда облагались налогом, поэтому их вырубали. Кажется, этот налог касался только колхозников – в садах у жителей железнодорожной станции, нашего райцентра, яблони были.

Так что яблочек в детстве мы видели мало, но один случай, связанный с яблоками, запомнился.

Дело было зимой. Чем-то я болела – тяжело, с высокой температурой, ночью бредила. Отец, как всегда в таких случаях, не спал всю ночь, непрерывно укутывал меня, твердил: «Надо пропотеть!», а я потихоньку старалась выбраться из-под наваленных на меня одеял и пальто. Утром он сказал матери: «Я думал, не доживёт до утра».

Отец ушёл в школу на уроки (он преподавал историю), мама хлопотала по дому, я лежала в постели. Вечером отец вернулся и положил на стул возле моей кровати два яблока. Он привёз их из райцентра.

Яблоки! Зимой! Мне! Это запомнилось на всю жизнь и, наверное, помогло выздороветь.

Зимой простужались и болели из-за плохой одежды и всё равно при любой возможности бежали на улицу. Если в школе отменялись занятия во время сильных морозов (-40 °С и ниже), кричали: «Ура!» – и, взяв санки, катались с горки до сумерек. Главное удовольствие и развлечение летом – походы на речку купаться и загорать. Дети ходили туда, собираясь в компании одного возраста. Малыши могли ходить на речку только со старшими.

Я увязывалась за старшей сестрой и её сверстницами. Мне было лет шесть, сестра на пять лет старше. Она и ругала, и била меня, заставляя вернуться домой – ничто не помогало. Со слезами, в отдалении, я продолжала плестись за ними. Наконец, девчата говорили: «Да ладно, пусть идёт». Получив последние подзатыльники, я уже с полным правом присоединялась к компании.

В воду меня пускали ненадолго, в основном сидела на берегу, но там тоже было много интересно: заросли лозняка, красивые стрекозы, разные жучки и речные ракушки, в камышах обитали лягуш-

135

ки и головастики, в воде пронеслись стайки мальков. Сижу послушно, где велено, иначе в другой раз уж точно не возьмут с собой.

Накупавшись (в трусах и майках, купальников тогда не было), девочки одевались, их общество разделялось, шли по домам, кому как было ближе.

Однажды мы с сестрой шли с купания. Перешли мостик через Мотню – так назывался этот участок речки, слева сразу за ним чей-то сад, огороженный плетнём, там заманчиво краснели вишни. Сестра велела мне стоять и ждать её, а сама перелезла через плетень. Вскоре раздались гневные крики хозяйки вишен. Заглянула через плетень и вижу – баба схватила и трясёт сестру, та плачет и просит отпустить её. Я в ужас бросилась бежать с рёвом и мыслями: «Сестру поймали на воровстве! Всё пропало, её не отпустят! Как сказать родителям об этом, ведь воровать нельзя! Скажу, что она утонула». Не представляю, что было бы, скажи я это на самом деле.

Бегу и не сразу понимаю, что меня окликают, – сестра бежит за мной. Я останавливаюсь, и она рассказывает: «Отпустила! Я сказала ей, что мой отец погиб на фронте, мать меня бьёт и её муж тоже». Всё это была правда, только муж мамы – мой отец – меня порол чаще, чем её.

Мы с сестрой, конечно, никому не рассказывали об этом случае.

В голодные послевоенные годы дети частенько промышляли по чужим садам и огородам, но взрослые не слишком наказывали их за это. Можно ли было преследовать голодных детей, полусирот, рыскающих в поисках пищи? Им нужно было скорее вырасти и стать опорой матерям взамен погибших отцов.

В сентябре, после летних каникул, в классах (пятом, шестом) такие разговоры были не редкостью:

– А где Петька Трегубов и Борька Скоренко?

– Они уже работают в колхозе, учиться не будут.

Эти ребята потеряли два-три года учёбы за время немецкой оккупации, были старше одноклассников и оставили школу раньше других. Те, кто смог эвакуироваться, в учёбе не отстали.

Неподалёку от нашего дома девятиклассники строили дом для одноклассницы и её матери. Работали дружно всем классом и, конечно, бесплатно. Дом – обычный для тех мест: из саманных кирпичей, их размер примерно 40 на 20 на 15 сантиметров. Сначала нужно было сделать саман – так коротко называли эти кирпичи. На утрамбованной площадке насыпали слой глины в виде круга, сверху слой соломы (возможно, добавляли ещё опилки и песок), поливали сверху водой и вымешивали эту смесь голыми ногами до однородной массы. Люди ходили кругами по замесу. Чем больше людей участвовало в этом, тем лучше. Каждый шаг давался с

трудом – сложно вытаскивать ноги из вязкой, липкой, тяжёлой массы (пробовала, знаю).

Готовую массу набивали в деревянные рамки по размеру кирпичей, рамку осторожно снимали и сырой кирпич оставляли сохнуть, периодически переворачивая. Солнце и ветер сушили саман, от дождя его надо было укрывать или прятать под навес, если кирпичи малость подсохли. Таким же способом изготавливали кизяки – прекрасное топливо из навоза и соломы.

Цемент и извести не было, вместо цемента использовали глину и песок, вместо извести – мел.

Поразительно, как сумели школьники возвести за лето саманные стены. Детский труд в семье, а летом в колхозе был делом обычным, но эта стройка запомнилась как что-то особенное. Дружно, весело, напряжённо работали подростки-одноклассники, и среди них выделялся как лидер и организатор Боря Каштанов.

Девочка Маня, для которой строился дом, проходила с видом озабоченной хозяйки. Ей нужно было следить за ходом работ и готовить обед (самый скромный) для всех работающих. Мать несомненно помогала как могла, но дочь-девятиклассница уже стала главой семьи.

Быстро выросли дети тех лет.

В нашем голодном босоногом детстве было много хорошего. Да, мы голодали, но голод обострял вкусовые восприятия и закалял желудок. Одно из ярких впечатлений раннего детства – вкус варёного яйца на Пасху.

С мая до холодов бегали босиком – полезное закаливание; сандалии были только «на выход», если они вообще были. К концу лета могли спокойно ходить босыми по стерне и мелким колючим шишечкам «собачьего репейника».

Учителя не вызывали родителей в школу, как-то управлялись сами, с отстающими занимались дополнительно, причём бесплатно. Новый год учителя и ученики всегда встречали вместе в школе у ёлки. Ёлку украшали бумажными гирляндами и самодельными игрушками. Весело проходили эти вечера. Все были в масках или полумасках, устраивались шуточные соревнования, игры, танцевали польку и краковяк. Расходились сразу после боя кремлёвских курантов и Новогоднего поздравления по радио.

Просить родителей: «Купи!» – было не принято. Со встречными людьми дети здоровались, как со знакомыми, так и с незнакомыми.

Кошки ловили мышей – свой основной корм, иначе их никто не стал бы держать. Собак на селе было мало, жили они в конурах, а в дом их никогда не допускали.

Таковы были обычаи и правила жизни семьдесят лет назад в слободе Маньково.

г. Кемерово